

Герои трогательного и мудрого романа — вершины творчества британской писательницы — ожили в успешной экранизации BBC, завоевавшей четыре кинопремии «BAFTA».

XIX век. Маленький британский городок. Искренне преданная своему отцу, провинциальному доктору, шестнадцатилетняя Молли Гибсон всем сердцем старается полюбить мачеху. Теперь у Молли есть сводная старшая сестра. Ей, очаровательной и изящной красавице Синтии, а не милой и доброй Молли, отдает свое сердце Роджер Хэмми — подающий огромные надежды сын знатного семейства. Терзаясь от мук неразделенной любви, Молли обещает сохранить в секрете их помолвку. И не только ее — для утонченного поэта и наследника имения Осборна девушка по воле случая станет хранительницей самой сокровенной сердечной тайны. Но даже самой себе Молли не смеет признаться в настоящем чувстве и открыться тому, без кого она не может...

Оконная защелка оказалась тугой и неподатливой, Молли потянула за нее изо всех сил — она должна открыть окно и высунуть голову наружу, иначе последний шанс будет упущен безвозвратно.

— Я должна увидеть его вновь. Я должна! Должна! — всхлипывала она, дергая неподатливую створку. А вот показался и он, бегущий, чтобы не опоздать на дилижанс до Лондона. Роджер оставил свой багаж у «Георга», перед тем как отправиться с прощальным визитом к Гибсонам. Несмотря на спешку, Молли вдруг увидела, как он остановился и приложил ладонь козырьком ко лбу, прикрывая глаза от лучей заходящего солнца, и окинул дом прощальным взглядом — в надежде, как прекрасно знала Молли, еще раз увидеть Синтию. Но, очевидно, он не увидел никого, даже Молли в чердачном окне, потому что она отпрянула в тот же миг...

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-3784-6

9 785991 037846

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-2271-7

9 786171 222717

Элизабет
Таскелл

ЖЕННЫ И ДОЧЕРИ

Элизабет
Таскелл

Now a BBC Programme **BBC**

ЖЕННЫ И
ДОЧЕРИ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Элизабет
Гаскелл

*Elizabeth
Gaskell*

WIVES &
DAUGHTERS

A NOVEL

*Элизабет
Таскелл*

ЖЕНЫ *и*
ДОЧЕРИ

РОМАН

ХАРЬКОВ **КЛУБ**
БЕЛГОРОД **СЕМЕЙНОГО**
2017 **ДОСУГА**

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Г22

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Gaskell E. *Wives and Daughters* : A Novel / Elizabeth Gaskell. —
London : Wordsworth Editions, 1999. — 608 p.

Перевод с английского *Анатолия Михайлова*

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

В оформлении обложки
использованы кадры из мини-сериала «Жены и дочери»,
режиссер Николас Рентон.
Производство «BBC Television Centre», 2000 г.

BBC and the BBC logo
are trade marks of the
British Broadcasting Cor-
poration and are used
under licence. Logo
© BBC 1996

- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017
- © ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгорода, 2017

ISBN 978-617-12-2271-7 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3784-6 (Россия)

ISBN 978-1-840-22416-0 (англ.)

Глава 1

Рассвет знаменательного дня

Начнем с детской присказки. В некотором королевстве было одно графство, в этом графстве был город, в этом городе был дом, в этом доме была комната, в комнате была кровать, и на этой кровати лежала маленькая девочка. Она не спала и очень хотела встать, но страшно боялась невидимой стихии в соседней комнате — некоей Бетти, чей сон ни в коем случае нельзя было тревожить до тех пор, пока не пробьет шесть часов, когда она просыпалась сама, «точно по звонку», после чего о покое в доме оставалось только мечтать. Стояло июньское утро, и, несмотря на ранний час, солнечные лучи уже наполнили комнату теплом и светом.

На комодe напротив маленькой белой кроватки под кисейным покрывалом, на которой лежала Молли Гибсон, стояла примитивная подставка с висевшей на ней шляпкой, тщательно укутанной, на случай возможного попадания пыли, большим шейным платком из ткани настолько плотной и долговечной, что, окажись под нею головной убор из переплетного газа, кружева и цветов, он непременно «пожамкался бы» (как выразилась однажды Бетти). Но шляпка была сделана из твердой соломки, а в качестве отделки использовалась простая белая лента, обтягивающая тьюлю и служившая заодно завязками. Тем не менее внутри размещалась аккуратная ажурная филигрань, каждое плетение которой Молли знала наизусть, потому что разве не сама она трудилась над нею еще вчера с бесконечным терпением? И разве не было голубого банта в этой филигрань, первого в жизни Молли взрослого украшения, которое ей предстояло надеть?

Но вот и шесть часов, о чем приятным бодрым перезвоном возвестили церковные колокола, призывая всех и каждого

взяться за работу, что они проделывали на протяжении вот уже нескольких веков. Молли спрыгнула с кровати и, быстро-быстро ступая по полу маленькими босыми ножками, подбежала к комоду, приподняла шейный платок, чтобы полюбоваться шляпкой, которая сулила ей радость светлого дня. Потом она бросилась к окну и после нескольких рывков все-таки открыла створный переплет, впуская в комнату сладкий и свежий утренний воздух. В садике внизу роса с цветов уже сошла, зато высокая трава на лугу за ним еще блестела влагой. По одну сторону лежал маленький городок Холлингфорд, на одной из улиц которого и стоял дом мистера Гибсона. Легкие струйки и столбы дыма уже поднимались из труб многочисленных домов, где уже встали домохозяйки и сейчас готовили завтрак для кормильцев семьи.

Молли Гибсон видела все это, но сейчас она могла думать только об одном: «О, это будет прекрасный день! Я так боялась, что он никогда не наступит; а если и наступит, то непременно пойдет дождь». Сорок пять лет тому детские радости в провинциальном городке были незамысловатыми, и Молли прожила двенадцать долгих лет, в которых так и не нашлось места ничему подобному тому знаменательному событию, которое должно было вот-вот наступить. Бедное дитя! Да, она лишилась матери, что стало настоящим потрясением в беззаботном течении ее прежней жизни, но вряд ли его можно было назвать достойной вехой в вышеупомянутом смысле; да и, кроме того, в то время она была еще слишком мала, чтобы осознать его в полной мере. И удовольствие, которое она предвкушала, должно было принести ей первое участие в ежегодном празднестве в Холлингфорде.

Небольшой, беспорядочно раскинувшийся городок с одного конца постепенно растворялся в сельской местности, как раз там, где располагалась сторожка, охранявшая въезд в огромный парк, в коем жили милорд и миледи Камнор, «граф» и «графиня», как их неизменно называли жители городка; и где по-прежнему властвовали феодальные отношения, проявлявшиеся просто и незамысловато; сейчас, оглядываясь назад, они представляются нелепыми или даже забавными, но в те времена к ним относились со всей серьезностью. Это было еще до реформы парламентского

представительства, но двое или трое наиболее просвещенных фригольдеров¹ уже позволяли себе либеральные мысли и разговоры; в графстве проживало и знатное семейство тори, которое время от времени соперничало на выборах с Камнорами, принадлежавшими к партии вигов. Казалось бы, вышеупомянутые жители, склонные к либеральным взглядам, могли бы и допустить возможность того, что они все-таки проголосуют за Хели-Гаррисонов, подтвердив таким образом свою независимость. Но нет, ничего подобного. Граф оставался владельцем поместья и большей части земли, на которой и был построен Холлингфорд; в некотором смысле добрые жители города кормили, лечили и даже одевали его вместе с чадами и домочадцами; деды их отцов всегда и неизменно голосовали за старшего сына из Камнор-Тауэрз и, следуя заветам предков, все до единого представители сильного пола городка отдавали свои голоса сеньору, самым великолепным образом игнорируя такую химеру, как политические убеждения.

Вот вам наглядный пример того влияния, кое крупные землевладельцы оказывали на своих не столь состоятельных соседей в эпоху, предшествовавшую появлению и развитию железных дорог, и хорошо еще, если могущественное семейство, затмевавшее их блеском своего великолепия, оказывалось столь респектабельным по природе своей, как Камноры. Они ожидали, что их будут уважать и повиноваться; простодушное обожание городских обывателей граф и графиня принимали как должное; и они бы онемели от изумления, помянув недобрым словом санкюотов², кои были источником постоянных страхов и ненависти во времена их молодости, если бы кто-либо из обитателей Холлингфорда отважился противопоставить свою волю или мнение взглядам графа. Но, пользуясь всеобщим обожанием, они и впрямь много делали для города, проявляя неизменную снисходительность, заботу и доброту в обращении со своими вассалами. Лорд Камнор был терпеливым и великодушным землевладельцем;

¹ Фригольдер — свободный землевладелец. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

² Санкюлот — ярый республиканец.

иногда он брал бразды правления в свои руки, отодвигая управляющего в сторону, к вящему негодованию своего поверенного, который вообще-то был достаточно богат и независим для того, чтобы изо всех сил держаться за место, где его решения могли быть в любой день отменены милордом, когда тому «вожжа попадала под хвост» (как непочтительно выражался в таких случаях поверенный в уединении собственного дома), что в переводе на простой и понятный язык означало, что время от времени граф сам расспрашивал собственных арендаторов, пользуясь собственными глазами и ушами в решении мелких вопросов управления своей собственностью. Но арендаторы лишь еще сильнее любили своего господина за подобные привычки. Лорд Камнор не обращал особого внимания на слухи и сплетни, умудряясь сочетать столь похвальное качество с неумением разрешать противоречия, возникающие между его старым управляющим и арендаторами. Впрочем, эту слабость графа с лихвой компенсировало безупречное достоинство графини. Раз в году она проявляла благоволение и снисходительность. Вместе с другими дамами, своими дочерьми, она организовала школу; это была не школа в нашем понимании, где детей рабочего люда и прочих простолюдинов зачастую обучают куда лучше, нежели представителей знати; нет, это была школа, которую следовало бы назвать «ремесленной»; в ней девочек учили красиво вышивать, быть прекрасными горничными и замечательными поварихами, а самое главное — опрятно и красиво носить нечто вроде униформы, разработанной благородными дамами поместья Камнор-Тауэрз: белый чепец, белый палантин, клетчатый передник и голубое платье. И, само собой разумеется, непременно делать реверансы и не забывать о почтительном «будет исполнено, мадам».

И вот, учитывая, что большую часть года графиня в Тауэрз не проживала, она была рада заручиться расположением женской половины Холлингфорда, рассчитывая на то, что те заменят ее с дочерьми в школе во время их отсутствия. И многочисленные, изнывающие от скуки благородные дамы городка откликнулись на призыв своей госпожи, наперебой предлагая услуги, а вместе с ними и суетливое обожание, коим они щеголяли друг перед

другом. «Как это мило со стороны графини! Это так на нее похоже — всегда думать о других!» — и так далее в том же духе; при этом предполагалось, что любой гость не мог составить себе полного впечатления о Холлингфорде, не побывав с визитом в школе графини, где на него должны были произвести неизгладимое впечатление опрятные маленькие ученицы и их еще более искусная вышивка. Взамен каждое лето устраивался почетный день открытых дверей, когда с присущим ей величавым и непревзойденным гостеприимством леди Камнор со своими дочерьми принимала в поместье Тауэрз всех добровольных школьных помощниц. Роскошный фамильный особняк располагался в аристократическом уединении в самом центре огромного парка, одни из ворот которого, вместе со сторожкой привратника, находились в непосредственной близости от городка. Для этого ежегодного праздника был установлен следующий ритуал. Примерно в десять часов утра один из экипажей покидал поместье через эти ворота и начинал объезжать дома, где проживали дамы, которым и следовало оказать почести; он забирал их по одной или парами, пока не оказывался нагруженным под завязку, после чего возвращался в поместье через главный вход, быстро проезжая по безупречно ухоженной тенистой аллее и высаживая стайку празднично наряженных дам у самых ступеней, ведущих к помпезным и внушительным дверям поместья Камнор-Тауэрз. После чего экипаж возвращался в городок, вновь собирая представительниц прекрасной половины человечества, разодетых в свои лучшие наряды, и возвращался в поместье; так продолжалось до тех пор, пока все приглашенные не собирались или в доме, или же в чудесных садах вокруг. После полагающейся экскурсии, с одной стороны, и приличествующего случаю выражения восхищения, с другой, гостям предлагали легкий ленч, за которым следовал очередной показ сокровищ и соответствующих восторгов, но теперь уже внутри дома. К четырем часам пополудни подавали кофе, что служило сигналом к тому, что вскоре появится экипаж, который и развезет их по домам, куда они возвращались со счастливым осознанием достойно проведенного дня и чувством легкой усталости, оттого что вели себя самым примерным образом

да еще и изъяснялись напыщенно-высокопарно на протяжении столь долгого времени. Леди Камнор и ее дочери тоже были не чужды подобному самодовольству, равно как и той же самой усталости, что всегда следует за сознательными усилиями вести себя так, как приличествует обществу, в котором вы находитесь.

И вот впервые в жизни Молли Гибсон вошла в число гостей, приглашенных в Тауэрз. Она была еще слишком юна, чтобы посещать школу с инспекционными проверками, и посему удостоилась приглашения отнюдь не по этой причине; просто так случилось, что лорду Камнору в очередной раз попала вожжа под хвост и он решил навеститься к арендаторам, где и столкнулся с мистером Гибсоном, местным доктором, выходящим из дома, в который собирался войти милорд; поскольку у него вдруг возникла нужда задать доктору какой-то вопрос (лорд Камнор редко расставался со своими знакомыми без того, чтобы не расспросить их о каких-нибудь пустяках, причем ответы интересовали его отнюдь не всегда), он проводил мистера Гибсона до амбара, где в стену было вделано кольцо, к которому была привязана лошадь доктора. Здесь же была и Молли, тихонько сидевшая на своем косматом маленьком пони в ожидании отца. Ее серьезные детские глазенки широко распахнулись, когда она сообразила, что оказалась в непосредственной близости от графа и что он прямиком направляется к ней; ведь в ее незамысловатом представлении этот седовласый, краснолицый и немного неуклюжий человек был чем-то средним между архангелом и королем.

— Ваша дочь, э-э, Гибсон? Славная маленькая девчужка, сколько же ей? А вот пони не мешало бы расчесать и вообще привести в порядок. — С этими словами граф потрепал лошадку по холке. — Как тебя зовут, дорогуша? Он изрядно запаздывает с уплатой ренты, как я уже говорил, но если он действительно болен, то мне придется попридержать Шипшенкса, поскольку тот — принципиальный и жесткий деловой человек. На что он жалуется? Ты ведь придешь на наше школьное сборище в четверг, дитя мое... запомятовал, как тебя зовут? Имейте в виду, Гибсон, вы должны прислать ее к нам или привезти сами. И шепните словечко своему груму, потому как я уверен, что в минувшем году этого пони

не опаливали¹, не так ли? Не забудь про четверг, дитя мое... запомнил, как тебя зовут? Мы договорились, не правда ли? — И с этими словами граф торопливо зашагал прочь, привлеченный видом старшего сына фермера в другом конце двора.

Мистер Гибсон поднялся в седло, и они с Молли отправились восвояси. Некоторое время они ехали молча, но потом робким и встревоженным голосом она поинтересовалась:

— Можно мне поехать?

— Куда, дорогая моя? — вопросом на вопрос ответил он, отвлекаясь от собственных профессиональных размышлений.

— В Тауэрз... в четверг, помнишь? Этот джентльмен, — Молли постеснялась назвать его титулом, — пригласил меня.

— А ты и вправду этого хочешь, милая моя? Подобные развлечения всегда представлялись мне довольно утомительными, как и весь день в целом. Я имею в виду то, что все начинается очень рано, да еще жара и все прочее.

— Ох, папа! — с упреком сказала Молли.

— Значит, ты хотела бы поехать, верно?

— Да, если можно! Ты же видел, он сам пригласил меня. Как ты думаешь, я должна согласиться? Ведь он просил меня целых два раза.

— Вот как! Что ж, посмотрим... Впрочем, да! Думаю, это можно устроить, если ты этого хочешь, Молли.

И они вновь погрузились в молчание. Наконец Молли сказала:

— Пожалуйста, папа, я очень хочу поехать... но вполне смогу обойтись и без этого.

— Как-то загадочно ты изъясняешься, дорогая. Но, полагаю, ты имеешь в виду, что вполне обойдешься и без этого визита, если возникнут неразрешимые трудности с тем, чтобы отвезти тебя в поместье. Не вижу этому никаких препятствий, так что можешь считать, что это дело решенное. Но не забывай, что тебе понадобится белое платье, так что предупреди Бетти, пусть она заранее подготовит для тебя наряд.

¹ В те времена случалось, что вместо стрижки лошадь опаливали, убирая лишний волос.

Впрочем, мистеру Гибсону нужно было сделать еще пару-тройку вещей перед тем, как благополучно отправить Молли на празднество в Тауэрз, чтобы он мог быть спокоен на сей счет. Итак, ему предстояли некоторые хлопоты, однако он с превеликой охотой готов был сделать Молли приятное; посему на следующий же день он напрямик направился в Тауэрз под предлогом того, что ему якобы нужно было навестить заболевшую горничную. На самом же деле он рассчитывал попасться на глаза миледи и получить у нее подтверждение того, что она одобряет приглашение лорда Камнора, сделанное им Молли. Время для визита он выбрал с присущей ему толикой природной дипломатии, к которой, говоря откровенно, ему приходилось прибегать довольно часто во время общения со столь важным семейством. Он въехал на конный двор около полудня, незадолго до обеда, но уже после того, как почтальон доставил корреспонденцию и все связанные с нею тревоги и обсуждение содержимого были позади. Привязав лошадь, он вошел в дом через черный ход; с этой стороны, кстати, особняк назывался «домом», а спереди — «Тауэрзом». Он повидал свою пациентку, дал необходимые указания экономке, после чего вновь вышел наружу, держа в руках редкий полевой цветок, и застал в саду одну из леди Транмер, а заодно, как надеялся и рассчитывал, и леди Камнор — она как раз обсуждала с дочерью содержание письма, которое держала в руке, одновременно отдавая распоряжения садовнику по поводу высадки в грунт кое-каких цветов.

— Я заезжал повидать Нанни и воспользовался возможностью, чтобы привезти леди Агнессе цветок, который, как я говорил ей, растет на торфяных болотах Камнор-Мосс.

— Благодарю вас, мистер Гибсон. Мама, ты только посмотри! Это же *Drosera rotundifolia*, заполучить которую я давно мечтала.

— А! Очень миленький цветок, смею заметить, вот только ты же знаешь, что я не ботаник. Надеюсь, Нанни стало лучше? Мы не можем себе позволить иметь больных на следующей неделе, потому что в доме будет полно гостей. Вот, кстати, и Данби предлагают себя в качестве таковых. Стоит только приехать на Троицу, чтобы провести пару недель в тишине и покое, отложив все

дела в городе, как люди, тут же узнав о нашем появлении, начинают писать письма, конца которым не видно, говоря, что очень хотели бы подышать свежим деревенским воздухом, или восхищаясь тем, как очаровательно должен выглядеть Тауэрз весной. Я должна признать, что во всем этом есть несомненная доля вины лорда Камнора, поскольку, едва мы появляемся здесь, как он объезжает всех соседей и приглашает их к нам погостить на несколько дней.

— Но уже в пятницу, 18-го числа, мы возвращаемся в город, — в порядке утешения заметила леди Агнесса.

— Ах да! После того как состоится прием школьных попечителей. Но до этого счастливого дня еще целая неделя.

— Вот, кстати! — сказал мистер Гибсон, пользуясь представившейся возможностью. — Давеча я встретил милорда на ферме Кросс-Триз, и он был настолько любезен, что пригласил к вам на прием в четверг мою маленькую дочку, которая как раз была со мной, полагая, что это доставит девочке ни с чем не сравнимое удовольствие. — И он умолк, ожидая, что скажет на это леди Камнор.

— Что ж, полагаю, если милорд пригласил ее, она должна приехать, но я бы хотела, чтобы он не был таким поразительно гостеприимным! Только не подумайте, что мы не будем рады видеть у себя вашу дочь. Но, понимаете ли, только вчера он встретил младшую мисс Браунинг, о чьем существовании я даже не подозревала.

— Она помогает в школе, мама, — заметила леди Агнесса.

— Очень может быть, я никогда не утверждала обратного. Мне известно, что фамилия одной из попечительниц действительно Браунинг, просто я и представить себе не могла, что их две. Но, разумеется, как только лорд Камнор услышал о наличии второй, то почел своим долгом пригласить и ее, и теперь карете придется совершить четыре рейса, чтобы привезти всех. Так что ваша дочь, мистер Гибсон, сможет добраться сюда безо всякого труда, и ради вас я буду рада видеть ее. Она ведь вполне поместится между обеими мисс Браунинг, полагаю? Договоритесь с ними об этом и постарайтесь поставить Нанни на ноги к будущей неделе.

Когда мистер Гибсон уже развернулся, чтобы уйти, леди Камнор окликнула его:

— Кстати, Клэр тоже здесь, вы ведь помните Клэр, не так ли? Когда-то давно она была вашей пациенткой.

— Клэр! — озадаченно повторил он.

— Неужели вы забыли ее? Мисс Клэр, наша старая гувернантка, — пояснила леди Агнесса. — Лет двенадцать или четырнадцать тому, еще до того, как леди Куксхейвен вышла замуж.

— Ах да, — сказал он, — мисс Клэр, которая заболела скарлатиной. Очень приятная деликатная девушка. Но я думал, что она замужем!

— Да! — подтвердила леди Камнор. — Маленькая глупышка, которая не ценила того, что имела. Но мы все равно очень любили ее. Однако она покинула нас и вышла замуж за младшего приходского священника, став какой-то непонятной миссис Киркпатрик. Правда, мы продолжали называть ее Клэр. И вот теперь он скончался, оставив ее вдовой, и она опять остановилась у нас, а мы ломаем голову над тем, как помочь ей обрести средства к существованию, не разлучая ее с ребенком. Она, кстати, гуляет где-то здесь, если вы хотите возобновить с нею знакомство.

— Благодарю вас, миледи. Но, боюсь, сегодня я не могу более задерживаться. Мне еще предстоит долгий обход больных. Я и так задержался у вас непозволительно долго.

Несмотря на то, что день у него выдался на редкость утомительным, вечером он нанес визит обеим мисс Браунинг, дабы заручиться их согласием в том, что они возьмут Молли в Тауэрз с собой. Сестры были женщинами высокими и привлекательными, хотя их лучшие годы уже остались позади, и потому вели себя по отношению к вдовому доктору исключительно обходительно и с крайним почтением.

— Ну конечно! Мистер Гибсон, мы будем просто счастливы взять ее с собой. Как вы могли подумать, что мы станем возражать? — заявила старшая мисс Браунинг.

— А я в предвкушении этого события буквально лишилась сна, — сообщила ему мисс Феба. — Я ведь еще никогда не бывала в поместье. Сестра же неоднократно посещала его. Но,

к несчастью, хотя мое имя вот уже три года кряду значится в списке гостей, графиня никогда не упоминала меня в своем личном послании. А вам прекрасно известно, что я ни за что не стану навязываться и не сочту возможным явиться в столь роскошное поместье без приглашения. Да и как можно, право?

— В минувшем году я говорила Фебе, — подхватила ее сестра, — что, по моему мнению, графиня совершила непреднамеренную ошибку, если можно так сказать, и что ее милость наверняка сочла бы себя уязвленной, как и любая другая особа на ее месте, не найдя Фебу среди школьных попечительниц. Но, видите ли, мистер Гибсон, у Фебы настолько деликатный склад ума, что, несмотря на все мои уговоры, она отказалась ехать и осталась дома. И, уверяю вас, я не получила никакого удовольствия от визита, вспоминая лицо Фебы за оконными занавесками, когда она смотрела мне вслед. Глаза ее были полны слез, уж можете мне поверить.

— Я действительно выплакалась вволю после того, как ты уехала, Салли, — призналась мисс Феба, — но тем не менее полагаю, что была права, воздержавшись от поездки туда, куда меня не приглашали. Вы согласны со мной, мистер Гибсон?

— Целиком и полностью, — ответил он. — Зато в этом году вы едете, а в минувшем об эту пору шел дождь.

— Да! Я помню! Я как раз решила разобрать свой гардероб, чтобы привести себя в порядок, так сказать. И настолько увлеклась, что пришла в неописуемое удивление, услышав, как по оконным стеклам барабанит дождь. «Боже милостивый, — сказала я себе, — что же станется с белыми атласными туфельками сестры, если после такого ливня ей придется ступить по мокрой траве?» Видите ли, я много думала о том, что у нее такие славные туфельки. А в этом году она сделала мне сюрприз и подарила такую же атласную пару, как и у нее.

— Молли знает, что должна надеть свое лучшее платье, — сказала мисс Браунинг. — Мы можем одолжить ей бусы или какие-нибудь другие искусственные украшения, если она захочет.

— Молли наденет простое белое платье, — с некоторой поспешностью возразил мистер Гибсон, поскольку решительно

не одобрял вкусов обеих мисс Браунинг в том, что касалось одежды, и не желал, чтобы его дочь выряджалась в соответствии с их представлениями. В этом он рассчитывал на свою старую служанку Бетти, полагая ее вкусы куда более простыми и естественными. Мисс Браунинг позволила себе подпустить толику раздражения в голосе, когда выпрямилась во весь рост и проговорила:

— Что ж, очень хорошо. Уверена, что вы совершенно правы.

Но мисс Феба добавила:

— Молли наверняка будет выглядеть прелестно, что бы она ни надела.

Глава 2

Новенькая среди важных людей

В десять часов утра в тот знаменательный четверг экипаж из поместья Тауэрз приступил к работе. Молли была готова задолго до того, как он впервые появился на горизонте, хотя было условлено, что она с обеими мисс Браунинг должна будет сесть в него не ранее последнего, четвертого раза. Она тщательно умылась с мылом, и теперь личико ее сияло чистотой; что же до кружев, платья и лент, то и они поражали белизной. Девочка набросила на себя черную накидку, принадлежавшую ее матери; богато расшитая тесьмой и кружевами, она выглядела на ребенке причудливо и старомодно. Впервые в жизни Молли надела лайковые перчатки; до той поры ей случалось носить лишь хлопчатобумажные. Они оказались слишком велики для ее маленьких и пухленьких, будто перевязанных, пальчиков, но, поскольку Бетти заявила ей, что они предназначены на вырост, то все было в порядке. Девочка не находила себе места от волнения и даже едва не лишилась чувств от долгого утреннего ожидания, хотя Бетти говорила ей, что когда с нетерпением ждешь чего-либо, то время тянется невыносимо медленно. Молли не сводила глаз с извилистой улочки в ожидании экипажа, пока по прошествии двух часов он наконец не приехал за нею. Ей пришлось сесть на самый краешек, чтобы не помять новые платья обеих мисс Браунинг; при этом не слишком подаваться

вперед, дабы не досаждают толстой миссис Гудену и ее племяннице, которые заняли передние места; словом, сам факт того, что она сидела среди них, вызывал большие сомнения, но еще большие неудобства доставляло ей осознание того, что ее намеренно поместили в самый центр экипажа, выставив на обозрение всего Холлингфорда. День был слишком торжественным, чтобы маленький городок продолжал жить своей обычной жизнью. Из верхних окон выглядывали служанки; жены лавочников стояли в дверных проемах; домохозяйки выбегали из своих домов, держа на руках младенцев; а детвора, слишком маленькая для того, чтобы знать, как следует вести себя прилично при виде графской кареты, приветствовала ее радостными воплями. Женщина у сторожки распахнула ворота и присела в низком реверансе перед разряженными гостями. И вот они въехали в парк; а когда вдали показалось поместье, в экипаже, битком набитом дамами, воцарилась благоговейная тишина, которую нарушило едва слышное замечание племянницы миссис Гудену, особы приезжей, которое она позволила себе, когда они остановились перед полукруглыми ступенями, ведущими к дверям особняка.

— Кажется, это называется «подъезд», не правда ли? — поинтересовалась она.

Но ответом ей стало единодушное «Тише!». Все было настолько торжественно и величественно, что Молли перепугалась не на шутку и ей отчаянно захотелось домой. Но она позабыла о своих страхах, когда гости отправились на прогулку по великолепным садам, ничего подобного которым она и представить себе не могла. По обеим сторонам тянулись зеленые бархатные лужайки, купающиеся в солнечных лучах и переходящие в лесистый парк; если где-то и были низкие изгороди и каналы, разделявшие мягкие полотнища травы, то Молли их не заметила; а то, как ухоженный сад незаметно сменялся дикой природой, попросту очаровало ее. Неподалеку от особняка виднелись стены и заборы; но все они были увиты плетистыми розами, жимолостью и прочими только-только начинающими цвести вьющимися растениями. Повсюду были разбиты клумбы, багряные, темно-красные, голубые и оранжевые; зеленые лужайки пестрели полевыми цветами.

Молли крепко держалась за руку мисс Браунинг, пока они неспешно прогуливались по парку в обществе еще нескольких дам; процессию возглавляла одна из дочерей миледи, которую явно изумляло безудержное восхищение, которого удостоивались различные достопримечательности, крупные и не очень. Молли держала язык за зубами, как и подобает особе ее возраста и положения, разве что время от времени облегчала душу глубокими судорожными вздохами. Вскоре они вышли к нескончаемому ряду сверкающих теплиц и оранжерей, где их поджидал помощник садовника. Впрочем, растения внутри интересовали Молли куда меньше, чем цветы на открытом воздухе; но леди Агнесса обладала более утонченным естественнонаучным вкусом и потому принялась распространяться то об одном редком растении, то о другом, которое требует тщательного ухода, пока Молли не почувствовала, что очень устала и вот-вот лишится чувств. Девочка была слишком застенчивой, чтобы заговорить сразу, но в конце концов, опасаясь устроить неприличную сцену, если она не выдержит и расплачется, или, что еще хуже, упадет бездыханной на какой-нибудь особенно ценный цветок, она стиснула руку мисс Браунинг и выдохнула:

— Можно мне вернуться в сад? Здесь нечем дышать!

— О да, конечно, милочка. Пожалуй, тебе и впрямь трудно понять все это. Но рассказ очень поучителен, да и латынь в нем присутствует.

И она поспешно отвернулась, дабы не упустить ни единого словечка из лекции леди Агнессы об орхидеях, а Молли повернула назад и вышла из душной оранжереи. На свежем воздухе ей моментально стало лучше. Оставшись в одиночестве и без назойливого присмотра, она переходила от одного замечательного местечка к другому, оказываясь то в открытом парке, то в замкнутом цветочном саду, где сонную тишину нарушало лишь пение птиц да журчание фонтана, а ветви деревьев, переплетаясь над головой, заключали в объятия голубое июньское небо. Она шла куда глаза глядят, словно бабочка, порхающая с цветка на цветок, нисколько не заботясь о том, где находится, пока наконец не устала настолько, что захотела вернуться об-

ратно в особняк. Но как это сделать, Молли не знала, да и вдобавок, лишившись защиты и протекции обеих мисс Браунинг, боялась встретить там незнакомых людей. Жаркое солнце напекло ей голову, и та начала болеть. Она вдруг увидела огромный раскидистый кедр на лужайке, и густая тень под его ветвями, где так покойно можно отдохнуть, с неудержимой силой поманила ее к себе. В тени стояла и деревянная скамейка. Усталая Молли опустилась на нее и вскоре заснула.

Спустя некоторое время она очнулась от дремоты и вскочила на ноги. Рядом стояли две дамы и разговаривали о ней. Обе были ей совершенно незнакомы, и, испытывая смутное убеждение, что она совершила нечто недостойное, а еще страдая от усталости, голода и утреннего перевозбуждения, Молли расплакалась навзрыд.

— Бедная девочка! Она наверняка приехала сюда с кем-то из гостей из Холлингфорда и заблудилась, — сказала старшая из двух дам.

На вид ей можно было дать лет около сорока, хотя на самом деле ей не исполнилось еще и тридцати. Внешностью она обладала самой заурядной, но на лице ее застыло суровое выражение; ее платье было настолько богатым, насколько это вообще возможно для утреннего туалета; голос у нее оказался глубоким и ровным — такой в низших слоях общества назвали бы попросту грубым и хриплым; но это был не тот эпитет, который можно было применить к леди Куксхейвен, старшей дочери графа и графини. Вторая дама выглядела намного моложе, хотя на самом деле была на несколько лет старше своей спутницы; поначалу Молли даже подумала, что более красивой женщины еще не видала в жизни, и та действительно была очень мила и привлекательна. Дама ответила леди Куксхейвен голосом негромким и печальным:

— Бедняжка! Не сомневаюсь, что она переутомилась из-за жары, да еще и эта ее тяжелая соломенная шляпка. Давай-ка я развяжу ее, милочка.

Молли наконец-таки обрела дар речи, чтобы пролепетать:

— Меня зовут Молли Гибсон. — И, опасаясь, что ее примут за незваную гостью, добавила: — Я приехала сюда с обеими мисс Браунинг.

Содержание

Глава 1. Рассвет знаменательного дня	5
Глава 2. Новенькая среди важных людей	16
Глава 3. Детство Молли Гибсон	36
Глава 4. Соседи мистера Гибсона	45
Глава 5. Телячьи нежности	61
Глава 6. Визит в Хэмли	78
Глава 7. Предвестники несчастья	96
Глава 8. Опасность надвигается	105
Глава 9. Вдовец и вдова	123
Глава 10. Кризис	134
Глава 11. Попытка подружиться	156
Глава 12. Подготовка к свадьбе	176
Глава 13. Новые друзья Молли Гибсон	188
Глава 14. Молли берут под покровительство	202
Глава 15. Новая мама	219
Глава 16. Новобрачная у себя дома	230
Глава 17. В Хэмли-холл приходит беда	243
Глава 18. Тайна мистера Осборна	258
Глава 19. Приезд Синтии	273
Глава 20. Визитеры миссис Гибсон	287
Глава 21. Сводные сестры	298
Глава 22. Неприятности старого сквайра	316
Глава 23. Осборн Хэмли обдумывает свое положение	330
Глава 24. Скромный ужин миссис Гибсон	341
Глава 25. Холлингфорд приходит в волнение	350
Глава 26. Благотворительный бал	361
Глава 27. Отец и сыновья	384
Глава 28. Соперничество	394
Глава 29. Партизанская война	410

Глава 30. Методы старые и новые	428
Глава 31. Покорная кокетка	438
Глава 32. Грядущие события	449
Глава 33. Радужные перспективы	467
Глава 34. Ошибка влюбленного	476
Глава 35. Материнские маневры	487
Глава 36. Домашняя дипломатия	507
Глава 37. Непредвиденная случайность, или что из нее вышло	515
Глава 38. Мистер Киркпатрик, королевский адвокат	533
Глава 39. Тайное становится явным	547
Глава 40. Молли Гибсон вздыхает свободно	563
Глава 41. Тучи сгущаются	574
Глава 42. Разражается гроза	589
Глава 43. Признание Синтии	601
Глава 44. Молли Гибсон приходит на помощь	613
Глава 45. Сердечные тайны	626
Глава 46. Холлингфорд сплетничает	639
Глава 47. Скандал и его жертвы	651
Глава 48. Невинная грешница	665
Глава 49. Молли Гибсон обретает защитника	677
Глава 50. Синтия оказывается в безвыходном положении ...	689
Глава 51. Беда не приходит одна	706
Глава 52. Горе сквайра Хэмли	716
Глава 53. Незваные гости	732
Глава 54. Молли Гибсон воздают должное	746
Глава 55. Возвращение странствующего возлюбленного ...	761
Глава 56. Прощай, старая любовь; здравствуй, новое чувство!	773
Глава 57. Свадебные визиты и прощание	783
Глава 58. Возрождающиеся надежды и радужные перспективы	796
Глава 59. Молли Гибсон в Хэмли-холле	809
Глава 60. Признание Роджера Хэмли	822

Послесловие (от редактора журнала «Корнхилл мэгэзин») ... 839

Літературно-художнє видання

ГАСКЕЛЛ Елізабет

Жінки та дочки

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*

Координатор проекту *Т. М. Куксова*

Редактор *С. М. Губська*

Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*

Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*

Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 20.12.2016. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Lazurski». Ум. друк. арк. 44,52. Наклад 10 000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»

Св. № ДК65 від 26.05.2000

61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано у державному видавництві «Преса України»

03047, м. Київ, просп. Перемоги, 50

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру ДК №310 від 11.01.2001 р.

Литературно-художественное издание

ГАСКЕЛЛ Элизабет

Жены и дочери

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*

Координатор проекта *Т. Н. Куксова*

Редактор *С. М. Губская*

Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*

Технический редактор *А. Г. Веревкин*

Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 20.12.2016. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Lazurski». Усл. печ. л. 44,52. Тираж 10 000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

Св. № ДК65 от 26.05.2000

61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в государственном издательстве «Пресса Украины»

03047, г. Киев, пр. Победы, 50

Свидетельство о внесении субъекта издательского дела
в Государственный реестр ДК №310 от 11.01.2001 г.

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов, художников, переводчиков и редакторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

Навіть залишившись недописаним через раптову смерть Елізабет Гаскелл, її останній роман визнається літературними критиками найкращим з творів письменниці. Його заключна частина була дописана журналістом і літератором Ф. Грінвудом за чернетками та листами Гаскелл, де вона ділилася планами розвитку сюжету та подальшої долі героїв. Роман «Жінки та дочки» порівнюють з творами Шарлотти Бронте, з якою письменницю пов'язували добрі дружні стосунки. Головна героїня, шістнадцятирічна донька провінційного лікаря Моллі Гібсон, чиста, довірлива і палка, на очах читача перетворюється з незграбного підлітка на прекрасну юну леді, дорослішає, переживаючи всі муки нерозділеного кохання. «Жінки та дочки» — вершина літературної творчості знаменитої британської письменниці.

Гаскелл Э.

G22 Жены и дочери : роман / Элизабет Гаскелл ; пер. с англ. А. Михайлова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2017. — 848 с.

ISBN 978-617-12-2271-7 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3784-6 (Россия)

ISBN 978-1-840-22416-0 (англ.)

Даже оставшись незавершенным из-за внезапной смерти Элизабет Гаскелл, ее последний роман признается критиками лучшим из произведений писательницы. Его заключительная часть была дописана журналистом и литератором Ф. Гринвудом по черновикам и письмам Гаскелл, где она делилась планами развития сюжета и дальнейшей судьбы героев. Роман «Жены и дочери» сравнивают с произведениями Шарлотты Бронте, с которой писательницу связывали добрые дружеские отношения. Главная героиня, шестнадцатилетняя дочь провинциального врача Молли Гибсон, чистая, доверчивая и пылкая, в глазах читателя превращается из угловатого подростка в прекрасную юную леди, взрослеет, переживая все муки неразделенной любви. «Жены и дочери» — вершина литературного творчества знаменитой британской писательницы.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)